

Следует использовать все возможности для повышения воспитательного значения художественного слова, создания произведений высокого патриотического звучания, поэтизирующих служение Родине, делу партии.

(Из постановления Центрального Комитета КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства»).

Из многих бесед с Чингизом Айтматовым, частью зафиксированных в записных книжках, частью отложившихся в памяти (как отпечатки его мыслей), которыми из которых я позволяю себе воспользоваться, отчетливо проявляется главная идея его творчества, завоевавшего ныне мировое признание, — идея революционного преобразования мира, возрождения человека.

Тема революции, объединившей все народы нашей страны в чувстве семьи единого естественно и неотразимо, в образах потрясающей художественной силы, обрела себя в формах высокого реалистического искусства, поэзии правды, что в свою очередь явилось выражением нового взгляда человека на жизнь, на самого себя. И в то же время оказалось возможным благодаря приобщению к великим традициям русской и мировой классики, национальных литератур, в том числе и киргизской, ярчайшим представителем которой стал Чингиз Айтматов.

Писатель, сокровенно национальный, плоть от плоти и кровь от крови своего народа, он оказался близок и дорог читателям не только нашей страны, но и читателям многих стран мира. Так, только «Джамиля», которую один из читателей назвал «сердцем Айтматова», уже выдержала 35 зарубежных изданий. Факт в высшей степени примечательный! Общечеловеческое содержание этой лучшей, по словам Луи Арагона, повести о любви в XX веке не случайно потрясает воображение людей: это — гимн красоте и благодетельству чувства, которое способен испытать свободный человек, мужественно вступающий в поединок за свое достоинство с косностью, феодальными пережитками и дремучими обычаями. Обращающими его на унижение. В этом решающем смысле непреходящая современность как «Джамиля», так и всего творчества Чингиза Айтматова, ибо оно и утверждает идеи гуманизма и социалистической нравственности, одухотворенные стремлением советских людей к достижению высших идеалов, выстрадавших человечеством на протяжении тысячелетий.

«Народ, который обрел свой голос, вышел из забвения. Он стал видим. Всему миру и себе».

Эта мысль Ч. Айтматова неразрывно связана с проблемой возрождения национальных литератур в нашей стране:

«Многие народы в нашей стране не имели до Октябрьской революции своих письменных литературных языков. Возникла заново, эти молодые литературные языки с первых шагов соприкоснулись с опытом одной из самых сильных литератур мира — великой русской литературой. Как известно, при подобной ситуации перед новой литературой есть два пути решения вопроса. Один путь — полностью положиться на «иждивение» высокоразвитого языка, полностью перейти на его услуги. И второй путь — путь сосуществования, т. е. параллельного развития национального языка с использованием языка передового.

Мы в нашей стране избрали второй путь, наиболее трудный, но наиболее плодотворный. Устная литература ряда ранее бесписьменных народов Средней Азии была положена на систему русской письменности. В результате советская литература состоит сейчас более чем из 50 разных национальных литератур. О художественном уровне и творческих возможностях новых национальных литератур можно судить хотя бы по тому, что на этих языках изданы книги Сервантеса, Шекспира, Толстого, Бальзака, Драйзера, Хемингуэя и многих других художников мировой литературы. Русский язык при этом сыграл роль посредника, роль языка-моста, соединившего впервые в истории художественные берега народов, на-

задолго до этого не знавших даже о существовании друг друга».

Размышляя о взаимопроникновении и взаимообогащении национальных литератур — глобальном интернациональном факте политики Советского государства, Айтматов выступает не как теоретик, но в первую очередь как практик, что придает его словам особый вес и авторитет: «У нас в стране уже есть опыт билингвизма в художественном творчестве. Опыт этот говорит о том, что наиболее верный путь — это сочетание знаний обоих языков. Я знаю писателей, которые одинаково хорошо и выразительно пишут на двух языках. Мне придется сослаться и на свой пример. Я пишу свои книги на киргизском и русском языках. Если книга написана вначале на киргизском языке, я перевожу ее на русский, и наоборот. При этом я получаю глубочайшее удовлетворение от этой двусторонней работы. Это чрезвычайно инте-

ной инициативы. Эта широкая, давшая уже немалые плодотворные результаты деятельность чужда самоуспокоенности: впереди еще немало нерешенных проблем, надо постоянно анализировать опыт и настоящего, и прошлого... Именно эта сторона современной действительности, нашей практической работы и народной жизни представляется мне наиболее интересной и увлекательной для писателя».

Эту мысль сам Айтматов подтверждает своим творчеством. В том числе и последними произведениями — такими, как «Ранние журавли», «И дольше века длится день». В их центре — образы героев-тружеников. При этом принципиально важно, что его герои — «люди трудолюбивой души», герои, мыслящие трудом и в процессе труда, который соединяет людей в единое братство, ибо они творят прекрасный мир, будущее. В этом и залог их бессмертия, связь поколений —

Заметки о творчестве Чингиза Айтматова



ВЛЕЧЕНИЕ К ОКЕАНУ

ресная внутренняя работа писателя, ведущая, по моему убеждению, к совершенствованию стиля, к обогащению образности языка».

Думается, что мысли писателя о проблеме художественного языка особенно важны, так как язык — не только «материал», но в нем самом заложено социально-нравственное и философское содержание великой эпохи, образ которой призвана отразить советская многонациональная литература. В решающем смысле речь идет о новом языке, на котором заговорила история. О языке, который бы позволил с поэтической страстью развернуться идеям нового мира. Вот что думает по этому поводу Ч. Айтматов:

«Советская литература выросла на почве глубоко распаханной революцией. И потому издавшие проблемы гуманизма, добра и зла проблемы личности и коллектива, гражданской ответственности и человеколюбия — все большие и малые проблемы, составляющие сущность художественного творчества, — предстали перед советской литературой по-новому: в их революционном и, как показала история, в их истинно человеческом значении. Со страниц книг советских писателей поднималась новая историческая личность — человек-труженик, герой новой эпохи, воодушевленный идеей борьбы и преобразования жизни. Он являл собой образ раскованного революцией человека XX века, того самого человека, над судьбой которого печалились художники прошлого, оплавившая в нем великую мощь человеческую, задавленную вековым насилием и несправедливостью...

Революция, ее обновляющая сила, ее драматизм, преломленные в судьбах людей, — вот, на мой взгляд, магистральная тема советского искусства.

Меня всегда глубоко волновала судьба тружеников земли — крестьян. Мне кажется, что народная жизнь в литературе наших дней наиболее основательно отражена именно в произведениях о деревне, которая за годы Советской власти претерпела коренные изменения. Эти перемены особенно заметны в последние годы, когда партия и правительство постоянно держат в поле своего внимания проблемы сельского хозяйства, неустанно ищут пути улучшения жизни в деревне, способствуют всемерному развешиванию народ-

идея, которая давно и постоянно волнует писателя.

Помнится, делая замыслом своей новой работы, отрывок из которой под названием «Плач перелетной птицы» был только что опубликован, Ч. Айтматов говорил:

«В ней я хочу сказать об осознании народом своей исторической судьбы, права на будущее, которого достоин каждый народ и каждый человек. Разумеется, эту идею я стремился выразить всей нравственно-эстетической системой вещи, но конкретно, что ли, воплощение ее — образ Элемана, певца «Манаса».

Элеман — исключительная личность. И прежде всего благодаря своему редчайшему таланту, дару. Он — голос тех безымянных людей, которые не умеют красиво говорить о любви к родине, к свободе, а молча умирают за нее. Они — подлинные герои. Таким я вижу Элемана, а через него народ, создавший и сохранивший поразительное по своей эпической и поэтической мощи искусство — великий нерукотворный памятник себе: эпос «Манас». Богатырские образы героев, которые творит народ, — не самовосхваление, а способ (может быть, наивный, но глубоко поэтический) уберечь память о себе от каких бы то ни было превратностей судьбы и тем самым преодолеть время...

Меня остро волнует историческая родословная и биография идей, их общечеловеческая сущность. Разве не замечательно, если человек XX столетия способен осознать себя современником Одиссея? И в свою очередь — вызвать Одиссея из глубин времен, беседовать с ним?»

«Содержание социалистического искусства определяется в значительной и в решающей степени именно широтой и масштабностью исторического мышления нашего общества, советского народа, взявшего на себя ответственную миссию первопроходца будущего, формирования нового человека, полностью реализующего качества своей личности.

Реализм требует от писателя активной гражданской позиции, передового мировоззрения, позволяющих уловить тенденцию еще до того, как она стала явлением, выразить свое отношение к ней. Смысл искусства, говорил Толстой, — объединение людей. Эта формула,

обогащаясь конкретным социальным содержанием, в полной мере участвует сегодня в принципиальном идеологическом споре XX века — между реализмом и модернизмом, суть и корень которого — отчуждение».

«Мне приходится немало ездить по свету, не раз я участвовал в международных конгрессах. Я видел за рубежом, какое страшное зло — расизм, шовинизм, как калечат они психологию людей, сколько зла приносят, к каким страшным последствиям могут привести. И я всегда с благодарностью вспоминаю то великое благо, которое принес нам Октябрь, — равенство народов, любовь и уважение их друг к другу, идеи пролетарского интернационализма. То, что в нашем государстве национальный вопрос решен на основе равноправия, — это обстоятельство играет огромную благотворную роль в развитии всех литератур и культур народов СССР.

Национальные проблемы искусства вызывают сейчас много споров во всем мире. Национальные черты народа придают литературе «лица некоего выражения». Связь с родной землей, с народом, с насущными проблемами национального бытия питает живыми, плодотворными соками произведение, помогает писателю выйти на широкие общечеловеческие просторы, ибо в жизни народов, их восприятии, очень много общего. Поэтому национальное никак нельзя противопоставлять интернациональному».

Уроки русской классики и современной советской литературы...

О них Ч. Айтматов всегда говорит с огромным уважением и благодарностью. Среди его учителей — Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов, Бунин, Горький, Шолохов, Леонов, Твардовский...

Любить русскую литературу он призывает и своих собратьев по перу, открывая в ней неисчерпаемую нравственную силу и художественные ценности, без освоения которых, по его убеждению, невозможно двигаться вперед.

Несомненно, что становление и развитие сегодняшней киргизской прозы нельзя представить без серьезного и глубокого освоения опыта русского реализма, без приобщения к мировой литературе, что стало возможным при посредстве русского языка.

Важную роль в этом играет и творчество самого Чингиза Айтматова, и нередко его непосредственное участие в судьбе того или иного киргизского прозаика. Суд мастера, разумеется, строг. Иначе и не может быть, ибо он строже всех к самому себе:

«О судьбах литературы, о собственном творческом пути приходится думать часто и по разным поводам. Поскольку я говорю о себе, я хотел бы высказать здесь мысли о «Белом пароходе», вызвавшем разные споры среди читателей. Но самое большое, что меня насторожило в данном случае — опасность, как ни парадоксально, очень доброжелательной, по-своему очень честной критики. Иные читатели, которым, скажем, полюбили «Джамилю», «Первый учитель», «Материнское поле» и другие вещи, хотя, исходя из своих представлений об искусстве, чтобы я и впредь писал только в этом духе. Я не думаю заниматься самоотречением, я не отрицаю определенного значения того, что было сделано до «Прощай, Гульсары!» и «Белого парохода», но и не собираюсь останавливаться на том, что есть уже пройденный этап. Литература должна самоотверженно нести свой крест — вторгаться в сложность жизни, с тем чтобы человек знал, любил, тревожился за все доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе. И мне кажется — это мое убеждение, — что так будет всегда, бесконечно, ибо человек ищет в искусстве подтверждение лучшим своим устремлениям и отрицание того, что есть зло, что есть несправедливость, что не отвечает его социальным и нравственным идеалам. Это не обходится без борьбы, без сомнений и надежд. И так, наверное, будет вечно. И потому искусству вечно предстоит рассказывать человеку о сложности и красоте жизни».

С тех пор, как Айтматов сказал эти слова, он написал «Ранние журавли», «Пегего пса...», «И дольше века длится день». Каждое из этих произведений стало новым шагом в его творчестве. Новым и неожиданным. Но скорее для нас, читателей. Сам же автор знал, на что идет, чего он хочет.

Урок Айтматова — стремление к новому, к открытию, ибо жизнь, человек, которых он изображает со всей силой своего таланта, таит в себе еще не открытую красоту, столь необходимую людям.

Владимир КОРКИН